УКАЗАТЕЛЬ

ВЫСТАВКИ КАРТИНЪ и ЭТЮДОВЪ

В. В. Верещагина

СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМЪ ТЕКСТОМЪ.

Наполеонъ въ битвѣ подъ Эйлау.
Съ рис. очевидца генер. Лежёна.

Цѣна указателя 10 коп.

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

ПРОДАЮТСЯ

сочиненія художника В. В. Верещагина:

Napoleon en Russie, 4 édition, Paris.

Листки изъ записной книжки.

„Литераторъ“. Повѣсть. М. 1894 г. Ц. **1** р.

На войнѣ въ Азіи и Европѣ. М. 1894 г. Ц. **1** р. **50** к. Второе изданіе, съ рисунками.

Дѣтство и отрочество, т. I. Деревня. Корпусъ. Рисов. школа. М. 1895 г. Ц. **1** р. **50** к.

Иллюстрированныя автобіографіи нѣсколькихъ незамѣчательныхъ русскихъ людей. М. 1895 года. Цѣна **1** руб. Второе изданіе.

На Сѣверной Двинѣ по деревенскимъ церквамъ. М. 1895 г. Ц. **1** руб. Второе изданіе.

Наполеонъ I въ Россіи 1812 г. Пожаръ Москвы.—Казаки.—Великая армія.—Маршалы.—Наполеонъ. М. 1895 г. Ц. **1** руб. **25** коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ

при типо-литогр. Т-ва **И. Н. Кушнеревъ и К°,**

въ Москвѣ, Кіевѣ и Петербургѣ.

УКАЗАТЕЛЬ
ВЫСТАВКИ КАРТИНЪ и ЭТЮДОВЪ
В. В. Верещагина

СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМЪ ТЕКСТОМЪ.

Наполеонъ въ Вязьмѣ въ 1812 г.
По рис. очевидца.

МОСКВА.
Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская ул., собствен. домъ.
1898.

Думаю, не посѣтуютъ за то, что между новыми картинами поставлена одна, бывшая на моей прошлой выставкѣ—«Пожаръ въ Кремлѣ», надъ которою въ послѣднее время я еще работалъ.

В. В.

Дозволено цензурою. Москва, 10 октября 1898 года.

Этюды.

1) **На сѣверѣ** лѣтомъ.
2) **На сѣверѣ** зимой.
3) **Тоже.**
4) **Тоже.**
5) **Тоже**, очень холодно!
6) **Поле битвы при селѣ Бородинѣ**, съ холма бывшей батареи Раевскаго.
7) **На югѣ. Французское кладбище въ Севастополѣ**. Кости убитыхъ воиновъ, до 80.000 человѣкъ, были вырыты съ полей битвъ и погребены въ отдѣльныхъ павильонахъ, внутри этой ограды. По серединѣ офицеры генеральнаго штаба, вдоль стѣнъ въ порядкѣ гвардія, армія, артиллерія, флотъ. Кости офицеровъ выше, солдатъ — ниже; черепа въ одномъ мѣстѣ, остальное въ другомъ.
8) **Главный памятникъ** среди кладбища.
9) **Кладбище англичанъ**, полное надгробныхъ памятниковъ, большинство которыхъ поставлено не надъ прахомъ павшихъ, оставленныхъ тамъ, гдѣ они были зарыты вначалѣ. Каменщики, выбивающіе плиты по окрестностямъ Севастополя, и теперь находятъ много

ка, въ одну ночь завалившаго и запрудившаго камнемъ текущій внизу Терекъ.

23) Эльборусъ (Шатъ-гора) 18.500 футъ, со стороны Бермамута, въ утесахъ котораго живетъ множество огромныхъ орловъ. И объ этомъ великанѣ-горѣ разсказывается цѣлый рядъ легендъ...

Картины.

24) Наполеонъ I на Бородинскихъ высотахъ. Императоръ самъ рекогносцировалъ русскія позиціи подъ Бородинымъ, для чего пріѣхавъ съ развѣдочною партіей, долго разсматривалъ въ подзорную трубку размѣщеніе и укрѣпленія русскихъ войскъ, съ колокольни Колочскаго монастыря *). Бросивъ взглядъ на поле будущей битвы, онъ понялъ ошибку Кутузова, принявшаго новую Смоленскую дорогу за центръ позиціи, сильно укрѣпившаго и безъ того крѣпкія высоты праваго фланга и нѣсколько пренебрегшаго лѣвымъ. Видя, что глубоко текущая Колоча сильно заворачиваетъ на правомъ флангѣ расположенія русскихъ войскъ, Наполеонъ понялъ, что только крутые берега

*) При этомъ онъ посѣтилъ и самый монастырь, гдѣ засталъ монаховъ за трапезой, попробовалъ и хвалилъ ихъ щи. Уѣзжая, онъ оставилъ на колокольнѣ собственноручную надпись въ двѣ строки, подписанную его именемъ. Надпись эту монахи замазали потомъ известкой.

могли принудить ее къ тому, понялъ, что эти берега должны быть трудно доступны. На лѣвомъ флангѣ, напротивъ, русло рѣки ровнѣе, берега отложе, этимъ онъ рѣшилъ воспользоваться и тотчасъ же составилъ свой планъ: вице-король Евгеній долженъ больше демонстрировать передъ Бородинымъ и правымъ флангомъ русскихъ, атакуя въ то же время большой редутъ; Понятовскій обойдетъ ихъ лѣвый флангъ, а Ней и Даву, овладѣвши настоящимъ ключомъ русскихъ позицій—Семеновскими флешами, сдѣлаютъ поворотъ налѣво и втопчутъ Кутузова съ резервами въ Колочу.

Планъ былъ не дуренъ, но его исполненію помѣшало какъ неожиданно-отчаянная стойкость русскихъ войскъ, такъ и изъ ряда вонъ выдававшіяся способности генерала Багратіона: безъ этого послѣдняго французскіе маршалы, пожалуй, выполнили бы предписанное имъ движеніе.

Къ счастью для нашей арміи, Наполеонъ не согласился съ предложеніемъ Даву, просившаго послать его съ 35.000 человѣкъ 1-го корпуса и 5.000 поляковъ, по старой Смоленской дорогѣ, въ тылъ русскимъ: въ то время какъ велась бы атака съ фронта, онъ брался, зайдя глубокою ночью сзади и переходя отъ редута къ редуту, все сокрушить и, окруживши, все заставить положить оружіе. Онъ ручался, что къ 7 часамъ утра маневръ будетъ выполненъ! Принимая во вниманіе ошибку Кутузова, собравшаго главныя силы на правомъ флангѣ, который никто не

думалъ атаковать, можно допустить, что русская армія была бы разбита. Но Наполеонъ не принялъ этаго плана наиболѣе талантливаго и тактичнаго изъ своихъ маршаловъ, изъ-за слишкомъ большой смѣлости его, какъ онъ выражался—изъ-за маленькой ревности, jalousie de metier, можно прибавить. Онъ повелъ атаку съ фронта, и Кутузовъ имѣлъ время, замѣтивъ свою оплошность хоть и въ самомъ пылу битвы, подъ сильнѣйшимъ огнемъ, перевесть войска съ права на лѣво, гдѣ Багратіонъ уже изнемогалъ въ непосильной борьбѣ. Понятовскій съ одними поляками сдѣлалъ немного: застрявши было въ болотахъ, онъ смогъ только заставить Тучкова отвести войска крайняго лѣваго фланга на 2 версты назадъ.

Французская армія подошла къ Бородинскимъ высотамъ въ числѣ 170—180.000 человѣкъ *) и тотчасъ же завладѣла Шевардинскимъ редутомъ, не безъ того однако, чтобы онъ не перешелъ нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки, прежде чѣмъ остался за французами **). На другой день послѣ этого дѣла обѣ арміи остава-

---

*) Такъ какъ черезъ Нѣманъ перешло 400.000; то невольно является вопросъ: что же сталось съ остальными 220—230.000, которыхъ не доставало? Также непонятно, откуда явилось 130.000 русская армія, которую, судя по бюллетенямъ, тысячами истребляли безъ перерыва въ продолженіи $2^1/_2$ мѣсяцевъ!

**) Интересно, что когда послѣ этого перваго успѣха Наполеонъ, не видя плѣнныхъ, спросилъ, что это значитъ, ему отвѣчали: не сдаются, ваше величество, лѣзутъ на смерть!

лись въ бездѣйствіи, какъ бы въ негласномъ перемиріи, будто условясь въ томъ, что на слѣдующій день все будетъ окончательно рѣшено, значитъ, пока нечего напрасно безпокоиться.

Со стороны французовъ тишина лишь временемъ нарушалась кликами Vive l'Empereur!—это гвардія воодушевлялась лицезрѣніемъ портрета маленькаго сына Наполеона, привезеннаго изъ Парижа и выставленнаго для гренадеровъ, передъ палаткою императора. Со стороны русскихъ было больше движенія: по рядамъ колѣнопреклоненныхъ войскъ обносили съ пѣніемъ псалмовъ икону Смоленской Богоматери въ сопровожденіи Кутузова съ штабомъ; всѣ плакали, молились, приготовлялись къ принятію смерти за свободу родины, за Москву.

«Великій день готовится», сказалъ Наполеонъ одному изъ своихъ приближенныхъ,—«битва будетъ ужасна!»

Ночью передъ сраженіемъ французскій императоръ снова сталъ бояться, какъ бы русскіе, пользуясь ночной темнотой, опять не отступили—эта мысль не давала ему спать. Онъ часто призывалъ, разспрашивалъ, не слышно ли у непріятеля какого-нибудь шума, тутъ ли онъ еще? Наконецъ, въ 5 часовъ ординарецъ Нея пришелъ доложить, что маршалъ проситъ дозволенія атаковать, и тутъ загорѣлся бой, равнаго которому по кровопролитію не было еще съ самаго времени изобрѣтенія пороха! Дрались съ обѣихъ сторонъ съ

такимъ ожесточеніемъ, что не брали ни плѣнныхъ, ни какихъ другихъ трофеевъ, только бились, бились, бились! Признано, что потери съ обѣихъ сторонъ превышали 100.000 человѣкъ; но, принимая во вниманіе, что на Бородинскомъ полѣ зарыто, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, до 57.000 труповъ, надобно положить, что у французовъ и русскихъ въ этомъ сраженіи выбито изъ строя свыше 150.000 *).

По привычкѣ безъ мѣры преувеличивать результаты своихъ успѣховъ, Наполеонъ объявилъ побѣду рѣшительною и похвалился 50.000 убитыхъ и раненныхъ русскихъ, сравнительно съ 10.000 у себя. Въ дѣйствительности онъ потерялъ никакъ не менѣе 60.000. 43 генерала съ невѣроятно большимъ числомъ офицеровъ; цѣлые полки не существовали болѣе, кавалерія совершенно дезорганизована, почти уничтожена, и при всемъ томъ не достигнуто никакого ощутительнаго результата, такъ какъ русская армія отошла лишь къ другому ряду высотъ и затѣмъ на слѣдующій день отступила въ порядкѣ, увезя артиллерію и багажъ. Дѣйствительно, къ 3 часамъ Наполеонъ овладѣлъ батареей Раевскаго (la grand redoute) и Семеновскими флешами, но этотъ успѣхъ нисколько не обезпечивалъ за нимъ возможности овладѣть и тѣми новыми позиціями, въ которыхъ русскія войска ожидали непріятеля до глубокой ночи. Для обращенія противъ-

*) Зарыто до 32.000 труповъ лошадей.

ника въ бѣгство нужно было еще и еще драться, на что устрашенный потерями Наполеонъ не рѣшился *). Его умоляли дать гвардію для послѣдняго удара, но онъ отказался, досадливо отвѣтивши: «а если придется принять еще битву подъ стѣнами Москвы, съ чѣмъ я ее выдержу?»

Эта нерѣшительность была строго осуждена всею французской арміей, не знавшей, что главной причиной ея была болѣзнь Наполеона.

Наполеонъ объявилъ въ приказѣ, что во время битвы будетъ находиться на Шевардинскомъ редутѣ; въ дѣйствительности онъ сидѣлъ на холмѣ влѣво, недалеко отъ помѣщичьей усадьбы. Онъ пробовалъ ходить но скоро въ изнеможеніи снова садился.

«Перебирая все, чему я былъ свидѣтелемъ въ продолженіи этого дня,—говоритъ очевидецъ баронъ Лёжёнъ въ своихъ воспоминаніяхъ—и сравнивая эту битву съ Ваграмомъ Ейслингомъ, Эйлау и Фридландомъ, я былъ пораженъ недостаткомъ у него энергіи и дѣятельности... Каждый разъ, возвращаясь послѣ исполненія порученій, я находилъ его сидящимъ въ той же позѣ, слѣдящимъ въ трубу за ходомъ битвы и съ невѣроятнымъ спокойствіемъ раздающимъ приказанія. Въ этотъ день мы не имѣли счастія видѣть

---

*) Очевидецъ, генералъ-интендантъ французской арміи генер. Дюма, говоритъ: nos pertes furent immenses!

его, какъ въ былыя времена, личнымъ присутствіемъ ободряющимъ тѣ части войскъ, передъ которыми было наибольшее сопротивленіе, гдѣ успѣхъ былъ болѣе сомнителенъ. Мы дивились, не узнавая героя Маренго, Аустерлица и др. битвъ. Мы не знали, что Наполеонъ былъ боленъ и что это болѣзненное состояніе дѣлало невозможнымъ его личное участіе въ великой драмѣ, разыгрывавшейся передъ его глазами, исключительно для его славы. За и противъ Наполеона творились чудеса храбрости—80.000 русскихъ и французовъ проливали свою кровь исключительно для утвержденія или сверженія его власти, а онъ смотрѣлъ на это съ невозмутимымъ спокойствіемъ»...

«Наполеонъ,—разсказываетъ маркизъ де-Шамбрей,—присутствовалъ пѣшій, одѣтый въ форму гвардейскихъ стрѣлковъ... Завоеватель во все время битвы оставался на одномъ мѣстѣ, прохаживаясь взадъ и впередъ съ Бертье. За нимъ стояла пѣхота старой гвардіи и немного впереди влѣво вся остальная гвардія. Онъ апатично сидѣлъ въ продолженіи всей битвы въ этомъ мѣстѣ, слишкомъ отдаленномъ отъ театра дѣйствій, для того, чтобы слѣдить за ходомъ ихъ и во время распоряжаться. Въ критическія минуты онъ выказалъ великую нерѣшительность и, пропустивъ счастливую минуту, оказался ниже своей репутаціи. Необходимо замѣтить, что онъ былъ нездоровъ...»

Делафлюзъ разсказываетъ, что за спиной императора стояла его свита, а дальше, выстроенные въ бое-

вой порядокъ, гвардія и резервы. «Наполеонъ за все время не садился на лошадь, потому что, какъ говорили, былъ боленъ; онъ былъ одѣтъ въ сѣрый сюртукъ и говорилъ мало... Ничего нельзя было разобрать на полѣ битвы, такъ какъ тяжелыя облака дыма отъ тысячи орудій, не переставая стрѣлявшихъ, все застилали...»

Сегюръ говоритъ: «почти весь этотъ день Наполеонъ либо сидѣлъ, либо тихо прохаживался, влѣво и немного впереди отъ занятаго 24 числа редута (Шевардина) на краю оврага, вдали отъ битвы, которую едва можно было видѣть; онъ не выражалъ ни безпокойства, ни нетерпѣнія, ни на своихъ, ни противъ непріятеля. Временами только онъ дѣлалъ рукою жестъ, выражавшій печальную покорность, когда приходили докладывать о потерѣ лучшихъ генераловъ. Иногда онъ вставалъ, но, сдѣлавши нѣсколько шаговъ, снова садился. Всѣ окружающіе, привыкши видѣть его при такихъ важныхъ событіяхъ спокойно дѣятельнымъ, а здѣсь встрѣчая тяжелую, неувѣренную бездѣятельность, смотрѣли на него съ изумленіемъ. Видимо страдающій, опустившійся, онъ не сходилъ со своего мѣста и вяло давалъ приказанія, обводя мутнымъ взглядомъ совершавшіеся передъ нимъ ужасы, какъ будто его не касавшіеся...

Мюратъ вспомнилъ, что видѣлъ, какъ наканунѣ императоръ, осматривая линіи непріятеля, нѣсколько разъ останавливался, сходилъ съ лошади и, припавъ ли-

цомъ къ орудію, подолгу стоялъ съ выраженіемъ страданія на лицѣ. Король догадывался, что въ эти критическія минуты сила его генія была скована немощью тѣла, разбитаго усталостью, лихорадкою и, главное, болѣзнью, которая болѣе чѣмъ какая-либо другая способна была парализовать физическія и нравственныя силы человѣка» *).

Сегюръ оканчиваетъ свой разсказъ о недостаткѣ распорядительности, проявленномъ въ этотъ день Напоетономъ, такими строками: «когда онъ остался одинъ, въ своей палаткѣ, къ физическому упадку силъ присоединились нравственныя сомнѣнія. Онъ видѣлъ поле битвы и мѣста говорили сильнѣе, чѣмъ люди: побѣда, которой онъ такъ добивался, которую купилъ такою дорогой цѣной, была далеко не полная—громадныя потери были безъ соотвѣтствующихъ результатовъ. Всѣ его приближенные оплакивали смерть, кто друга, кто брата или родственника, потому что жребій войны палъ на самыхъ выдающихся. Сорокъ три генерала были убиты или ранены. Какой трауръ въ Парижѣ! Какое торжество для его враговъ! Какой опасный предметъ для размышленія Германіи! Въ арміи вплоть до его собственной палатки побѣда принята молча, пасмурно, угрюмо—даже льстецы молчатъ... Мюратъ воскликнулъ, что «онъ не узналъ въ этотъ великій день геній Наполеона». Вице-король признался, что

*) Dysurie.

«не понимаетъ нерѣшительности, высказанной его пріемнымъ отцомъ», а Ней прямо заявилъ, что, «по его мнѣнію, слѣдуетъ отступить...»

Тѣ, что были все время съ нимъ видѣли что этотъ побѣдитель столькихъ народовъ былъ самъ побѣжденъ лихорадкой и особенно возвратомъ той мучительной болѣзни, которая возобновлялась у него при всякомъ слишкомъ сильномъ движеніи, всякомъ глубокомъ потрясеніи. Они вспоминали его собственныя слова: «Для войны необходимо хорошее здоровье, которое ничѣмъ не можетъ быть замѣнено!» Вспоминали также его пророческое восклицаніе послѣ Аустерлицкой битвы: «Для войны нужны извѣстные годы. Я самъ буду годенъ для нея только еще шесть лѣтъ—послѣ этого мнѣ придется остановиться». Подъ Бородинымъ, гдѣ срокъ прошелъ и гдѣ къ годамъ и нездоровью присоединилась изъ ряда вонъ выходившая стойкость противника, ему приходилось пожалѣть, что не остановился!

25) Наполеонъ въ сожженой Москвѣ. Съ $^{5}/_{17}$ сентября пошелъ сильный дождь, который нѣсколько утишилъ пожары, но не прекратилъ ихъ, и когда Наполеонъ возвращался изъ Петровскаго дворца въ Кремль, къ трону Московскихъ царей, городъ не только дымился еще, но мѣстами и пылалъ.

Бивуаки французскихъ войскъ, окружавшіе Петровскій дворецъ, доходили до Тверскихъ воротъ. По словамъ очевидцевъ, генералы и офицеры стояли въ зда-

ніяхъ фабрикъ, солдаты въ шалашахъ, лошади въ аллеяхъ. Повсюду горѣли большіе костры, въ которыхъ огонь поддерживался рамами, дверями, мебелью и образами. Вокругъ огней на мокрой соломѣ, прикрытой досчатыми навѣсами, толпились солдаты, а офицеры, покрытые грязью и закоптѣлые отъ дыма, сидѣли въ креслахъ или лежали на крытыхъ богатыми матеріями диванахъ. Они кутали ноги въ мѣха и шали, ѣли на серебряныхъ блюдахъ черную похлебку изъ конины съ золой и пепломъ. Въ городѣ кое-гдѣ виднѣлись уцѣлѣвшіе остатки зданій и всюду ѣдкая гарь, выходившая изъ грудъ обгорѣлыхъ курившихся развалинъ, наполняла воздухъ. По большей части улицъ трудно было пробираться изъ-за обгорѣлыхъ остатковъ домовъ и выброшенныхъ изъ нихъ мебели и утвари.

Императоръ встрѣчалъ толпы солдатъ, обремененныхъ добычею, или погонявшихъ передъ собой, какъ вьючныхъ животныхъ, русскихъ, изнемогавшихъ подъ тяжелыми ношами.

Солдаты разныхъ корпусовъ дрались между собой изъ-за добычи и не повиновались начальникамъ. Большая часть солдатъ была пьяна...

Обыкновенно хладнокровно, съ любопытствомъ и удовольствіемъ осматривавшій поля битвъ, устланныя трупами, Наполеонъ врядъ ли испытывалъ то же чувство, когда смотрѣлъ на сожженную, ограбленную Москву и на сцены, въ ней происходившія. Онъ при-

нялъ участіе въ ужасномъ положеніи жителей иностранцевъ, особенно французовъ, жавшихся около бивуаковъ и кормившихся солдатскими остатками; но относительно оборванныхъ, голодныхъ, на подобіе тѣней бродившихъ русскихъ только распорядился немедленно нарядить военный судъ, чтобы разстрѣливать всѣхъ заподозрѣнныхъ въ поджигательствѣ, т.-е. почти всѣхъ, выходившихъ на улицу изъ своихъ подваловъ и погребовъ, жителей.

«Однажды я видѣла,—говоритъ свидѣтельница,—какъ народъ сбѣгался на площадь и французовъ много шло... Злодѣи притащили нашихъ вѣшать—поджигателей вишь поймали! Одного я узнала: изъ Корсаковскаго дома, дворовый, слѣпой старикъ. Сбыточно ли было ему поджигать? Ужъ одна нога въ гробу. Хватали кто подъ руку попался и кричали, что зажигатели. Какъ накинули имъ веревки на шеи—взмолились они сердечные. Многіе изъ нашихъ даже заплакали, а у злодѣевъ не дрогнула рука. Повѣсили ихъ, а которыхъ разстрѣляли, для примѣру, чтобы другіе на нихъ казнились».

Пораженный безурядицею, Наполеонъ со слѣдующаго же дня своего возвращенія въ Кремль распорядился прекратить грабежъ и всѣ неистовства солдатъ; онъ отдалъ строгій приказъ и повторилъ его, но безуспѣшно. «Императоръ,—говорилось во вторичномъ приказѣ,—съ неудовольствіемъ усматриваетъ, что въ противность строгому повелѣнію, отданному вчера,

грабежъ производится сегодня въ тѣхъ же размѣрахъ»...

«Съ завтрашняго $^{18}/_{30}$ сентября, приказывалось позднѣе, солдаты, которые уличатся въ грабежѣ, будутъ судимы военнымъ судомъ, по всей строгости законовъ». Но слова Наполеона сдѣлались уже безсильны—грабежъ все-таки продолжался, и скоро вся французская армія обратилась въ тяжело нагруженную добычею, не стройную, не дисциплинированную орду...

26) Зарево Замоскворѣчья. На Красной площади, кромѣ рядовъ, горѣла гауптвахта и разныя мелкія постройки, а Замоскворѣчье представляло • настоящее огненное море. Зрѣлище было поразительное говоритъ очевидецъ: въ продолженіи 4 сутокъ по ночамъ было такъ же свѣтло, какъ днемъ. Огненныя стѣны улицъ завершались огненнымъ же куполомъ... Сгорѣло 14.000 домовъ.

27) Ночной привалъ великой арміи. Морозная зима, быстро со всею силою подвинувшаяся на неподготовленную къ ней отступавшую армію,—награбившую массу цѣнныхъ вещей, но не позаботившуюся о зимней одеждѣ,—показала ей, что въ этой сторонѣ она незванная гостья. Злой приказъ Наполеона жечь все кругомъ, имѣвшій цѣлью наказать русскихъ, наказалъ прежде всего своихъ: приводившійся въ исполненіе не арріергардомъ, какъ бы слѣдовало, а авангардомъ, онъ отнималъ у несчастныхъ солдатъ послѣднюю возможность хоть изрѣдка отогрѣваться подъ

крышею и заставлялъ проводить всѣ ночи подъ открытымъ небомъ. Тѣ, которымъ удавалось развести огонь, по часамъ сидѣли вокругъ него, наслаждаясь теплотой и не замѣчая, какъ загорались ихъ одежды и даже обугливались отмороженныя части тѣла. Нѣкоторые прямо входили въ костры и обгорали до смерти. Ужаснѣе всего были ночи во время вѣтровъ и снѣжныхъ бурь: длинные ряды тѣсно сжавшихся солдатъ, укутанныхъ въ продырявленныя шинели и плащи, также женскія юбки, крестьянскіе армяки, священническія ризы и кто во что гораздъ—издавали одинъ общій протяжный стонъ, не заглушавшійся даже воемъ вѣтра. Тутъ были генералы, офицеры и солдаты—всѣ взывали къ далекой родинѣ и кляли Россію съ ея морозами, одинаково недружелюбно поминая Императоровъ Наполеона и Александра...

28) Снѣга Гималаевъ. Въ высшемъ узлѣ горъ, въ Сиккимѣ.

29)
30) **Споръ,** стихотвореніе Лермонтова.

Какъ-то разъ, передъ толпою
Соплеменныхъ горъ,
У Казбека съ Шатъ-горою *)
Былъ великій споръ.
«Берегись!» сказалъ Казбеку
Сѣдовласый Шатъ:
«Покорился человѣку
Ты не даромъ, братъ!

Онъ настроитъ дымныхъ келій
По уступамъ горъ;
Въ глубинѣ твоихъ ущелій
Загрѣмитъ топоръ;
И желѣзная лопата
Въ каменную грудь,
Добывая мѣдь и злато,
Врѣжетъ страшный путь.

*) Эльборусъ.

Ужъ проходятъ караваны
Черезъ тѣ скалы,
Гдѣ носились лишь туманы,
Да цари-орлы.
Люди хитры! Хоть и труденъ
Первый былъ скачекъ—
Берегися! многолюденъ
И могучъ Востокъ!»
— Не боюся я Востока!
Отвѣчалъ Казбекъ:
Родъ людской тамъ спитъ глубоко
Ужъ девятый вѣкъ.
Посмотри: въ тѣни чинары,
Пѣну сладкихъ винъ
На узорные шальвары
Сонный льетъ грузинъ;
И, склонясь въ дыму кальяна
На цвѣтной диванъ,
У жемчужнаго фонтана
Дремлетъ Тегеранъ.
Вотъ у ногъ Ерусалима,
Богомъ сожжена,
Безглагольна, недвижима
Мертвая страна.
Дальше: вѣчно чуждый тѣни,
Моетъ желтый Нилъ
Раскаленныя ступени
Царственныхъ могилъ.
Бедуинъ забылъ наѣзды
Для цвѣтныхъ шатровъ,
И поетъ, считая звѣзды,
Про дѣла отцовъ.

Все, что здѣсь доступно оку,
Спитъ, покой цѣня.
Нѣтъ! не дряхлому Востоку
Покорить меня!—

«Не хвались еще заранѣ!»
Молвилъ старый Шатъ:
«Вотъ на сѣверѣ въ туманѣ
Что-то видно, братъ!»
Тайно былъ Казбекъ огромный
Вѣстью той смущенъ;
И, смутясь, на сѣверъ темный
Взоры кинулъ онъ;
И туда въ недоумѣньѣ
Смотритъ, полный думъ:
Видитъ страшное движенье,
Слышитъ звонъ и шумъ.
Отъ Урала до Дуная,
До большой рѣки,
Колыхаясь и сверкая,
Движутся полки;
Вѣютъ бѣлые султаны,
Какъ степной ковыль;
Мчатся пестрые уланы,
Подымая пыль;
Боевые батальоны
Тѣсно въ рядъ идутъ,
Впереди несутъ знамены,
Въ барабаны бьютъ;
Батареи мѣднымъ строемъ
Скачутъ и гремятъ,
И, дымясь, какъ передъ боемъ,
Фитили горятъ.

И испытанный трудами
Бури боевой,
Ихъ ведетъ, грозя очами,
Генералъ сѣдой.
Идутъ всѣ полки, могучи,
Шумны какъ потокъ,
Страшно-медленны какъ тучи,
Прямо на востокъ.

И, томимъ зловѣщей думой,
Полный черныхъ сновъ,
Сталъ считать Казбекъ угрюмный,
И не счелъ враговъ.
Грустнымъ взоромъ онъ окинулъ
Племя горъ своихъ,
Шапку на брови надвинулъ —
И навѣкъ затихъ.

Фотогравюры.

31) Наполеонъ на Поклонной горѣ.
32) Въ Успенскомъ соборѣ.
33) На пожарѣ въ Кремлѣ.
34) Въ сожженой Москвѣ.
35) Зарево Замоскворѣчья.
36) Маршалъ Даву въ Чудовомъ монастырѣ.
37) Въ ожиданіи мира.
38) Въ Городнѣ.
39) На этапѣ.
40) На привалѣ—Буря!
41) На большой дорогѣ.
42) Партизаны—дай подойти!
43) Партизаны—разстрѣлять!
44) Въ штыки: ура! ура!

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

ПРОДАЮТСЯ

сочиненія художника В. В. Верещагина:

Napoleon en Russie, 4 édition, Paris.

Листки изъ записной книжки.

„Литераторъ“. Повѣсть. М. 1894 г. Ц. **1** р.

На войнѣ въ Азіи и Европѣ. М. 1894 г. Ц. **1** р. **50** к. Второе изданіе, съ рисунками.

Дѣтство и отрочество, т. I. Деревня. Корпусъ. Рисов. школа. М. 1895 г. Ц. **1** р. **50** к.

Иллюстрированныя автобіографіи нѣсколькихъ незамѣчательныхъ русскихъ людей. М. 1895 года. Цѣна **1** руб. Второе изданіе.

На Сѣверной Двинѣ по деревенскимъ церквамъ. М. 1895 г. Ц. **1** руб. Второе изданіе.

Наполеонъ I въ Россіи 1812 г. Пожаръ Москвы.—Казаки.—Великая армія.—Маршалы.—Наполеонъ. М. 1895 г. Ц. **1** руб. **25** коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ

при типо-литогр. Т-ва **И. Н. Кушнеревъ и К°,**

въ Москвѣ, Кіевѣ и Петербургѣ.

Берлинское Фотографическое Общество извѣщаетъ, что къ новому 1899 году оно выпуститъ рядъ снимковъ съ картинъ, относящихся къ походу Наполеона въ Россію въ 1812 году, образцы которыхъ здѣсь выставлены. Будетъ и большой форматъ.

Наполеонъ зимою 1812 года.
По рис. очевидца.

МОСКВА.
Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К-.
Пименовская ул., собств. домъ.
1898.